

Сетевые обмены российских домохозяйств:
опыт эмпирического исследования

Сетевые обмены домохозяйств привлекают внимание многих исследователей. Все авторы сходятся во мнении, что межсемейная реципрокность не является декоративным элементом, вторичным аспектом социальной реальности, а представляет собой «несущую основу» повседневной жизни россиян. Так, И.Штейнберг называет межсемейные сети «русским чудом» [Штейнберг, 1999]. Впрочем, «неофициальная, межсемейная поддержка и защита является одним из важнейших факторов ослабления бедности во многих странах, и Россия не является исключением из общего правила» [Бедность..., 1998, с.252].

В данной статье сетевой обмен российских домохозяйств предстанет в количественных оценках и свидетельствах его непосредственных участников. Попытка количественного анализа реципрокных отношений довольно претенциозна, поскольку каждый участвующий в таких обменах рубль или час трудовой помощи имеет свои, ведомые только участникам обмена, «поправочные коэффициенты». Внешне неэквивалентный обмен может быть абсолютно паритетным с точки зрения его участников. Помощь родителей не обязательно порождает ответные действия детей, а забота детей не всегда определяет меру родительской благодарности. Однако это не порождает разрыв отношений, которые могут быть бесконфликтными и при явном нарушении принципа эквивалентности, поскольку за каждый обменным актом стоит не обезличенная потребность максимизации прибыли, а многослойный контекст отношений контрагентов, культурные коды микросоциума. Данное обстоятельство емко и образно выразил И.Штейнберг, введя понятие «*психологический рубль*» [Штейнберг, 2002]. Однако было бы не правильно на этом основании отказываться от количественного анализа сетевых взаимодействий. Понимание сложности реципрокных отношений, их культурной и социальной обусловленности не может и не должно вести к отказу от количественных оценок сетевых взаимодействий. Иначе вместо прояснения проблемы мы получим ее затуманивание. Понимая ограниченность количественного анализа сетевых обменов, мы сознательно встаем на этот путь.

Задача статьи – создать эмпирический портрет реципрокных отношений российских домохозяйств, дополняя количественные оценки качественными данными.

Общие рассуждения о реципрокности возбуждают фантазию, но создают простор для домыслов. Принципы сетевой организации необходимо дополнить и конкретизировать в соответствии с эмпирическими данными, что позволит судить о закономерностях реципрокных отношений.

***Методика исследования, или как и что можно узнать
о реципрокных обменах домохозяйств***

В самом грубом приближении все исследовательские методики, применяемые к анализу межсемейных обменов, делятся на количественные и качественные. Озадачивает расхождение, получаемое в этих случаях. «Качественники» доказывают тотальность этой практики. «Количественники», как правило, рисуют более скромный масштаб реципрокной практики. Так, по данным Г.Градосельской «доля городских домохозяйств, не участвующих в обмене трансфертами, в 1992 г. составляла 60,25 %, а в 1998 г. – 30,19%» [Градосельская, 1999, с.157]. Схожая оценка приводится и В.Радаевым: доля семей, связанных отношениями реципрокного обмена, составляет около 70 % [Radaev, 2001, p.356]. По мнению же О.Фадеевой «не обнаружилось ни одной семьи, которая бы не была связана отношениями обмена или помощи с другими семьями» [Фадеева, 1999а, с.193]. Этой же оценки придерживается и Лылова О.: «Особенность жизни на селе такова, что каждая семья в той или иной ситуации становится донором или реципиентом услуги» [Лылова, 2002, с. 84]. Разницу оценок вряд ли можно свести к различиям городского и сельского сообществ. Видимо, дело в инструментарии. Г.Градосельская и В.Радаев пользовались формализованным анкетным опросом, а О.Фадеева использовала наблюдения и углубленные интервью. Мы полностью согласны с В.Виноградским, который отмечал, что «данный вид неформальной экономической практики включен в крестьянскую повседневность как общая жизненная атмосфера, как воздух. Он незаметен, хотя жить без него нельзя ни минуты» [Виноградский, 1999, с.45]. Эта «незаметность» и не позволила формализованной анкете уловить этот «воздух», слабо рефлекслируемый самими респондентами. Но достоинства количественных методов неоспоримы: они придают рассуждениям жесткую доказательность.

Попытка объединить количественную и качественную логику анализа составила методическую основу проекта “Неформальная экономика городских и сельских домашних хозяйств: реструктурирование сетей межсемейного обмена”

(руководители – Т.Шанин и В.Радаев)¹. Для изучения сетевых взаимодействий собиралась информация трех видов:

- сетевые бюджеты,
- графические изображения сетей,
- интервью, посвященные сетевой проблематике.

Сетевые бюджеты представляли собой ежедневную фиксацию всех сетевых коммуникаций, будь то обмен продуктами, помощь трудом, передача денег в долг или безвозмездно, а также эмоциональные и информационные трансферты². Последние, правда, едва ли могут быть использованы в количественном анализе в силу значительной субъективности при их фиксации. Действительно, одни респонденты любое приветствие готовы относить к эмоциональной поддержке, другие считают таковой лишь редкие случаи доверительной беседы. Также субъективны и информационные контакты ввиду неопределенности их состоятельности. Поэтому мы используем в анализе только трансферты, имеющие безусловную и однозначно понимаемую количественную оценку. А именно:

- *продуктовые* трансферты (продукты питания и вещи, включая товары длительного пользования), оцениваемые в рублях;
- *денежные* трансферты (деньги, переданные в дар, то есть безвозмездно) в рублевом эквиваленте;
- *долговые* трансферты (одалживаемые и отдаваемые в погашение долга суммы) в рублевом эквиваленте;
- *трудовые* трансферты (трудовая помощь), измеряемые в часах.

Данные ресурсные потоки отслеживались ежедневно в течение года - с 1 сентября 1999 г. по 31 августа 2000 г. В нашем анализе используются данные сетевых бюджетов 17 сельских (село Даниловка Саратовской области) и 12 городских (г.Краснодар) семей³. Домохозяйства отбирались по двум критериям: учитывался возраст семьи и ее материальное положение. Возраст предполагал три градации:

¹ Проект осуществлен при поддержке INTAS (№ 97-21457).

² Это соответствует традиции Дж.Тернера делить потоки в социальных сетях на материальные, символические и эмоциональные. Под символами Тернер понимает информацию, идеи, сообщения [Turner, 1991, p.550]. Впрочем, ресурсная идентификация потоков зачастую затруднена. Например, не ясно, куда относить трансферты, основанные на административном ресурсе субъектов взаимодействия. Например, освобождение водительских прав путем телефонного звонка или «доставание» дефицитного лекарства, что фактически является услугой сетевого характера. Такого рода административные трансферты не учитывались в бюджетах, но многократно отмечались в интервью.

³ Эмпирические данные по селу Даниловка Саратовской области собраны И.Штейнбергом и М.Морехановой. Данные по г.Краснодару предоставлены А.Деминим. Их кропотливый и добросовестный труд заслуживает отдельной благодарности.

молодые семьи (возраст супругов до 30 лет включительно), семьи среднего возраста (возраст супругов от 31 до 50 лет) и пожилые семьи (супруги старше 50 лет). Материальное положение семьи определялось по знаменитой шкале ВЦИОМа⁴. Самооценка респондентов сравнивалась с оценкой эксперта-интервьюера, входящего в семью и контролирующего заполнение сетевых бюджетов. За редким исключением эти оценки совпадали. Подчеркнем, что выборка семей в селе и в городе не репрезентативна. Это исследование, не претендуя на отражение генеральной совокупности российских домохозяйств, реализует стратегию case-study.

Распределение семей, вошедших в выборку, в континуумах возраста и благосостояния представлено в табл.23:

Таблица 23

Характеристика семей, вошедших в выборку

	Бедные семьи		Средне обеспеченные семьи		Богатые семьи	
	Село	Город	Село	Город	Село	Город
Пожилые семьи	-	1	3	2	-	-
Семьи среднего возраста	3	2	5	4	2	1
Молодые семьи	2	1	2	1	-	-

По каждому обменному акту фиксировались:

- дата обмена,
- направление трансферта (исходящий или входящий ресурсный поток),
- контрагент обмена (кому предназначен или от кого получен трансферт),
- вид трансферта (продуктовый, трудовой, денежный безвозмездный или долговой),
- величина трансферта в стоимостных показателях или в часах,
- описание трансферта (натуральные показатели продуктовых даров или содержание трудовой помощи).

Бюджетные записи выглядели следующим образом: 2 марта семья № 1 передала дочери килограмм моркови на сумму 7 рублей; 3 марта семья № 1 получила от племянника безвозмездную денежную помощь в сумме 50 рублей; 6 марта внук отремонтировал телевизор, на что ему понадобилось 2 часа и т.д.

⁴ Речь идет о вопросе: «К какой из следующих групп населения Вы могли бы отнести себя скорее всего?». Варианты ответов сводятся к перечню того, что может позволить себе семья, а на что денег не хватает. Бедными семьями называли тех, у кого денег не хватает на продукты или покупку одежды; среднеобеспеченным семьям денег не хватает на покупку вещей длительного пользования или «действительно дорогих вещей». Богатая семья выбирала вариант «Мы можем позволить себе достаточно дорогие покупки – квартиру, дачу и многое другое».

Всего в течение года было зафиксировано более 3,5 тысяч трансфертов, явившихся единицами анализа. Напомним, что речь идет всего о 29 домохозяйствах. Иначе говоря, среднее домохозяйство за год участвовало в сетевых обменах более сотни раз, т.е. *в среднем раз в три дня российская семья принимала помощь или оказывала услугу на безвозмездной основе*. Это к вопросу о распространенности реципрокных обменов. Что же касается их значимости, то она характеризуется долей получаемой от окружения помощи и потоков ответной благодарности в совокупных доходах семей. В нашем случае доля отданных благ в совокупных доходах, скажем, сельского населения составила в среднем 10 %, а доля полученных благ – 12 %. И это не учитывая трудовую помощь, информацию и советы.

Помимо сетевых бюджетов со слов респондентов получали *графическое изображение* его сетевого мира. Здесь сетевые каналы уже не облекались в натуральные и стоимостные показатели, а фиксировались графически и, что особо важно, сопровождалась комментариями респондента о динамике сетевой конфигурации, логике сетевого членства, силе связей и т.д. Совместная с исследователем зарисовка сети служила поводом ее обсуждения и объяснения. Заметим, что наши сети исключительно *эгоцентричные*. С этим связаны два ограничения. Первое – мы не фиксируем связи, пронизывающее внешнее окружение изучаемых семей. Т.е. изучаются связи респондента с названными ими контрагентами без учета того, что эти контрагенты, в свою очередь, могут быть знакомы друг с другом, обмениваться ресурсами, иметь предпочтения в общении. В этом суть различия эгоцентричных сетей от так называемых полных отношенческих сетей (full relational social networks). Второе ограничение связано с восприятием домохозяйства как единого целого, т.е. без учета внутренних дарообменов между членами семьи⁵. Входные потоки приносят в семью продуктовую, денежную, трудовую помощь, а выходные потоки, наоборот, передают соответствующие ресурсы внешнему окружению.

Последующее сопоставление сетевых бюджетов и сетевой графики давало возможность поставить одни вопросы и разрешить другие. Фактически речь идет о

⁵ Потоки внутри домохозяйств представляют собой отдельную исследовательскую тему. Как справедливо отметил Пал, «мы привыкли рассматривать домохозяйство как единицу, внутри которой потоки неразличимы, тогда как необходимо увидеть отдельно эти потоки, а также социальные и экономические отношения, которые фиксируются в виде контроля различных членов домохозяйств за теми или иными потоками» [Pahl, 1983, p. 256]. Б.Малиновский считал внутрисемейные дары «чистыми», так как в них отсутствует ожидание ответных действий [Malinowski, 1922, p.177]. Хотя именно в ситуации отсутствия ответных потоков возрастает зависимость одариваемого.

триангуляции как способе разноплановой проверки выводов, получаемых качественными методами.

И, наконец, во всех семьях, заполняющих сетевые бюджеты, были проведены *углубленные интервью* (29 интервью), включающие в качестве тематического блока сетевую проблематику. В дополнение к этому было проведено 6 интервью исключительно по проблемам сетей с семьями, не участвующими в бюджетном опросе. Интервью включали в себя следующие содержательные блоки:

- выявление представлений респондента о постоянном составе элементов «его» сети, идентификация элементов сети как членов семейного клана, дружеской компании и пр.;
- формы, частота и масштабность оказываемой и принимаемой помощи – продуктовой, трудовой, психологической;
- динамика сети, кто из сети вышел, кто появился, по какой причине, в результате каких событий;
- характеристика внешней среды как благоприятная, так и неблагоприятная для оказания сетевой взаимопомощи;
- отношение респондента к существованию сетей взаимоподдержки.

И последнее, чем стоит предварить рассказ о результатах исследования. Сетевое взаимодействие имеет две основные характеристики – плотность и интенсивность. Под *плотностью сетевого взаимодействия* понимается количество обменных актов в единицу времени (в нашем случае в течение года). Плотность обмена может измеряться по сети в целом или в отношении отдельного контрагента. Под *интенсивностью сетевого взаимодействия* понимается стоимостной эквивалент продуктовых и денежных даров. Интенсивность обмена также может измеряться по сети в целом или в отношении отдельного контрагента. Трудовая помощь в нашем случае не имеет стоимостного эквивалента и фиксируется отдельно, в затратах времени. Таким образом, плотность обмена редуцируется до слов «как часто» происходят трансферты, а интенсивность обмена - до слов «какова стоимость» продуктовых и денежных даров.

Эмпирический портрет: проверка гипотез

Представления о том, как «работает» сеть, полны домислов и иллюзий. Диапазон суждений колеблется от идеализации реципрокности как механизма альтруистической поддержки слабого до подозрения сетей в законспирированной корыстности. Так как же устроена жизнь сетевого сообщества? Представим

результаты нашего исследования в виде проверки ряда гипотез. Гипотезы, проясняющие характер сетевых взаимодействий домохозяйств, можно разделить на две группы. *Первая группа гипотез* восходит к общему характеру сети, особенностям ее функционирования как единого целого. *Вторая группа гипотез* посвящена положению отдельных участников сети. Нам предстоит ответить на вопросы о том, как работает сеть, и какова при этом роль ее отдельных членов.

Гипотезы общесетевого характера

Гипотеза «парной симметричности». Предполагается, что семья равное число раз оказывается в роли дарителя и одариваемого в каждой паре взаимодействий; т.е. каждый дар порождает ответный ход, при этом стоимость и форма дара роли не играют.

С точки зрения обыденной логики эта гипотеза вполне оправдана. Не так важно, деньги нам дали, помогли с ремонтом или поделились урожаем, - в ответ принято благодарить. И не только на уровне «спасибо». При этом никто не ожидает точного стоимостного соответствия обмениваемых благ. Скажем, если вас угостили соседи, то они вправе ждать ответного хода, пусть это будет ваша готовность посидеть с их ребенком, или возможность занять у вас деньги. Не важно, что, угостив на рубль, они попробуют забыть у вас ребенка на выходные, но важно, что их любезность порождает ответное действие⁶. Если это так, то в течение года семья примерно равное число раз получает трансферт от участника сети и отдает ему.

Для проверки этой гипотезы был рассчитан *индекс плотности обмена с каждым участником сети* как соотношение числа исходящих и входящих трансфертов. Индекс, близкий к единице, говорит о примерном совпадении числа разнонаправленных даров в данной паре взаимодействия. Значение меньше единицы означает, что семья реже дает, чем получает в данном обменном дуэте, а превышение единицы свидетельствует об обратном. При однонаправленных потоках индекс не рассчитывался, но наличие таких пар опровергает гипотезу. Что же получается?

А получается, что мы не правы. Гипотеза опровергается по двум основаниям. Во-первых, индекс плотности обмена равный единице встречается крайне редко - это

⁶ Наша фантазия слишком бедна, что вообразить себе многообразие форм «ответных ходов». В интервью представлен их калейдоскоп, включая довольно экзотические формы. Так, знакомая завуч обязывает учительницу бесплатно заниматься с сыном подруги, чей муж отремонтировал ее автомашину. А в другой семье благодарность соседней проявляется в том, что они приходят с каталогом модной одежды и убеждают сына одеть купленную родителями вещь. В качестве услуги распространено право пользоваться бытовой техникой: один респондент в течение года пользовался кофемолкой соседней, а другой – стиральной машиной подруги.

означает, что совпадение числа итераций «туда» и «обратно» скорее исключение, чем правило. Если даже смягчить требование и рассмотреть индексы в интервале от 0,5 до 2,0, то есть допустить *двойное несоответствие* числа исходящих и входящих даров, то и в этот широкий диапазон попадают лишь около половины сельских и городских пар взаимодействия (табл.24). В остальных случаях количество входных и выходных потоков отличается более чем в два раза. Во-вторых, в подавляющем большинстве семей фиксируются однонаправленные потоки, т.е. хотя бы с одним участником сети семья выступает исключительно в роли донора или реципиента, ломая логику «ответного хода».

Итак, данные опровергают гипотезу о соответствии числа входящих и исходящих потоков в каждой паре взаимодействия. В реципрокных обменах нет ритма маятника, нет парной симметрии количества даровых итераций. Разнонаправленные потоки, как правило, не совпадают по плотности. Роль дарителя может повторяться в несколько раз чаще, чем роль принимающего блага, и наоборот.

Таблица 24

Индекс плотности обмена с каждым участником сети

Характер связи с контрагентами по количеству отданных им и полученных от них даров	Индекс плотности обмена с каждым участником сети	Количество контрагентов	
		Село	Город
Контрагенты, которым семья отдает <i>реже</i> , чем получает, более чем в 2 раза	$0 < I < 0,5$	13	17
Контрагенты, которым семья отдает <i>реже</i> , чем получает, но не более чем в 2 раза	$0,5 < I < 1,0$	11	8
Контрагенты, которым семья отдает <i>столько же раз</i> , сколько получает	$I = 1$	10	3
Контрагенты, которым семья отдает <i>чаще</i> , чем получает, но не более чем в 2 раза	$1,0 < I < 2,0$	14	10
Контрагенты, которым семья отдает <i>чаще</i> , чем получает, более чем в 2 раза	$2,0 < I$	15	13
Контрагенты, которым семья <i>только отдает</i> или от которых <i>только получает</i>	Индекс не рассчитывается	36	19

Гипотеза «круговой симметричности». Предполагается, что в сетевых обменах семья получает блага примерно так же часто, что и отдает, выходя на своеобразную «ничью» со своим сетевым окружением. Т.е. несмотря на несоответствие плотности встречных потоков в каждом обменном дуэте, в совокупном сетевом обмене семья примерно равное число раз играет роль донора и реципиента.

Гипотеза оправдана теми соображениями, что каждый дар воспринимается как сигнал, как напоминание, что сеть жива, что она держится на потоках безвозмездных благ. И если семья не может или не хочет отвечать на каждый дар непосредственно тому, от кого он получен, то она сделает ответный ход в другом направлении, в

другом обменном тандеме. На уровне обыденных наблюдений это проходит. Получив посылку от родителей, торопятся поделиться с детьми; заняв деньги у друзей, легче реагируют на просьбу погулять с соседской собакой и т.д. Обосновывается такая лояльность обычно фразой «нам ведь тоже помогали». И не важно, что получают от одних, а отдают другим. Тому может быть много причин. Важно, что по количеству трансфертов из семьи и в семью удерживается примерное равенство.

Эта гипотеза не подтвердилась. Для ее проверки мы рассчитали **индекс плотности совокупного обмена семьи** как соотношение исходящих и входящих трансфертов в течение всего года. Буквально две-три семьи укладываются в эту логику, то есть имеют данный индекс близкий к единице. И даже в интервал двойного несоответствия ($0,5 < I < 2,0$) попадает менее половины нашей выборки. В остальных случаях число входящих трансфертов отличается от числа исходящих в несколько раз (табл.25). Таким образом, семьи имеют узкую специализацию: они преимущественно одаривают либо одариваемы. Одни семьи чаще говорят «спасибо», другие чаще практикуют ответ «на здоровье». И принадлежность к городу или селу ничего не меняет. Напомним, что речь идет только о числе трансфертов без учета их стоимости. Следующие две гипотезы вводят в анализ стоимость даров.

Таблица 25

Индекс плотности совокупного обмена семьи

Характер связи с сетевым окружением по количеству отданных и полученных даров	Индекс плотности совокупного обмена семьи	Количество семей	
		Село	Город
Семья отдает <i>реже</i> , чем получает, более чем в 2 раза	$0 < I < 0,5$	5	4
Семья отдает <i>реже</i> , чем получает, но не более чем в 2 раза	$0,5 < I < 1,0$	2	4
Семья отдает <i>чаще</i> , чем получает, но не более чем в 2 раза	$1,0 < I < 2,0$	5	2
Семья отдает <i>чаще</i> , чем получает, более чем в 2 раза	$2,0 < I$	5	2

Гипотеза «парной стоимостной эквивалентности». В рамках данной гипотезы предполагается, что в отношениях с каждым контрагентом соблюдается примерное соответствие стоимости обмениваемых благ, т.е. интенсивность исходящих и входящих потоков совпадает.

Мы уже знаем, что в обменных тандемах нет соответствия числа трансфертов. Но может быть взаимонаправленные потоки равны по стоимости? То есть одни даруют часто, но «по мелочи», тогда как им отвечают изредка, но дорогими подарками? Скажем, заколовшая свинью семья, отдав половину мяса детям, вправе каждый выходной получать от них по тортнику к чаю. В этом случае соотношение числа исходящих и входящих трансфертов может быть чудовищно, но их стоимостные оценки близки. И здравый смысл вполне приемлет эту гипотезу. Даже в

семейных отношениях иногда щелкают костяшки счетов, а уж в отношениях с соседями, знакомыми, коллегами даже самые возвышенные натуры прибегают к калькуляции того, во что им обходится такая дружба. Вспомним народную мудрость: «дальше счет – крепче дружба».

Подчеркнем, что проверка данной гипотезы имеет два жестких ограничения. Первое связано с тем, что часть трансфертов в принципе не имеют стоимостной оценки. Не всегда есть возможность оценить трудовую помощь по рыночной стоимости аналогичных услуг. Еще сложнее придать стоимостную оценку информации, совету, дружеской поддержке, которые ценятся зачастую очень высоко и полностью сглаживают субъективную оценку внешне неэквивалентного обмена⁷. Не просто обстоит дело и с деньгами. Безвозмездно переданные суммы не вызывают проблем. Но межсемейные беспроцентные кредиты, хоть и являются услугой сетевого взаимодействия, подлежат возврату, поэтому не могут суммироваться с безвозмездными потоками. Поэтому мы будем учитывать только продуктовые трансферты и подаренные деньги. Одалживаемые суммы, трудовое участие, информационные и эмоциональные трансферты в данном случае не рассматриваются.

Второе ограничение связано с временным горизонтом исследования. Мы не имеем возможности учитывать трансферты за пределами периода исследования. Скажем, массированная благодарность за то, что было получено ранее, неизбежно трактуется нами как неэквивалентный обмен, хотя по сути им не является. Однако это ограничение смягчается тем, что период исследования довольно длителен (год) и есть большинство обменных цепочек уместились в этот период.

Для проверки данной гипотезы были рассчитаны стоимости встречных потоков. Соотношение этих сумм дает нам **индекс интенсивности обмена с каждым участником сети**. Понятно, что приближенное к единице значение этого индекса подтверждает нашу гипотезу. В случае однонаправленности потоков индекс не рассчитывается, но само наличие таких ситуаций работает против гипотезы.

Данные отклоняют версию о стоимостном равенстве встречных обменных потоков (табл.26). Во-первых, равное единице значение данного индекса – буквально

⁷ Большинство респондентов в интервью подчеркивали важность информационных и эмоциональных контактов. При этом информационные трансферты, как правило, обслуживают два рода проблем - трудоустройство и покупка дорогих вещей. В первом случае услуга оказывает в виде рекомендации, во втором – как экспертные оценки потребительских свойств товара. Ни одна дорогостоящая покупка не совершается без консультации с теми, кто «разбирается в этом». «Я весь день на телефоне подруг продержала, потому что муж сказал, что к вечеру я должна определиться, какой кондиционер нам нужен».

единичный случай. Принято благодарить «приблизительно», точная же калькуляция считается дурным тоном в отношениях близких людей. И даже двойное стоимостное несоответствие потоков «туда» и «обратно» (что соответствует диапазону значений данного индекса от 0,5 до 2,0) встречается крайне редко. Так, только треть сельских и четверть городских обменных тандемов придерживаются этого правила; в остальных случаях стоимости обменных даров различаются более чем в два раза. Во-вторых, практически во всех исследуемых семьях с кем-то из контрагентов устанавливалась игра в одни ворота, когда ответный ход или не наступал вообще, или не имел стоимостной оценки, а заменялся советом, эмоциональной поддержкой, трудовым участием и пр.

Таким образом, гипотеза о парном стоимостном соответствии обмениваемых благ с каждым участником сети – опровергнута. Люди обмениваются с друзьями и родственниками, позволяя себе многократное несоответствие стоимости встречных потоков, не говоря уже о возможности промолчать в ответ. Однако эта ситуация не подвергает сети в раздоры и тяжбы, поскольку соответствует принятым нормам. Впрочем, подобное несоответствие обмениваемых благ более гладко проходит в отношениях с родственниками. Чужие люди зачастую реагируют на свою неспособность адекватно отблагодарить довольно болезненно, как на бытовой маркер социальной демаркации⁸.

Таблица 26

Индекс интенсивности обмена с каждым участником сети

Характер связи с контрагентами по <i>стоимости</i> отданных им и полученных от них даров	Индекс интенсивности обмена с каждым участником сети	Количество контрагентов	
		Село	Город
Контрагенты, которым семья отдает <i>меньше</i> , чем получает, более чем в 2 раза	$0 < I < 0,5$	16	18
Контрагенты, которым семья отдает <i>меньше</i> , чем получает, но не более чем в 2 раза	$0,5 < I < 1,0$	11	8
Контрагенты, которым семья отдает по <i>стоимости столько же</i> , сколько получает	$I = 1$	1	0
Контрагенты, которым семья отдает <i>больше</i> , чем получает, но не более чем в 2 раза	$1,0 < I < 2,0$	10	2
Контрагенты, которым семья отдает <i>больше</i> , чем получает, более чем в 2 раза	$2,0 < I$	13	11
Контрагенты, которым семья только отдает или от которых только получает	Индекс не рассчитывается	33	19

⁸ Это обстоятельство отмечают состоятельные респонденты: «Когда я начала больше отдавать, то в итоге я всех потеряла. Лучшее не делать добра такого, что человек чувствует себя обязанным. Если уже перебарщиваешь с благотворительностью, то ничего хорошего не получится, как правило, теряешь его».

Гипотеза «совокупной стоимостной эквивалентности». Предполагается, что семья в течение года отдает благ примерно на ту же сумму, что и получает от всех участников сети.

Мы уже выяснили, что семья может помогать одним и получать помощь от других, в результате чего в каждой паре взаимодействий за год набегают приличное несоответствие получаемых и отдаваемых благ в их стоимостной оценке. Но быть может эти несоответствия «гасят» друг друга? И существует совокупный стоимостной паритет отдаваемых и получаемых благ?

Как и в предыдущей гипотезе, речь идет только о продуктовых и безвозмездных денежных трансфертах. Трудовые, информационные, а также долговые трансферты не учитываются ввиду сложностей их стоимостного оценивания. Для проверки гипотезы по каждой семье рассчитывается стоимость отданных и полученных благ (продуктовые и безвозмездные денежные трансферты) как совокупный итог сетевого взаимодействия со всеми участниками сети. Соотношение стоимости отданных и полученных благ составляет **индекс интенсивности совокупного обмена семьи**. Наивно ожидать, что этот индекс равен единице, что означало бы неправдоподобную серьезность семейной бухгалтерии, маниакальную страсть учитывать каждый дарованный рубль и панический страх не поделиться на эту же сумму с ближним. Аптечная точность странно смотрится в интерьере семьи. Поэтому будем считать гипотезу не отклоненной, если в большинстве наших семей стоимости получаемых и отдаваемых благ различаются не более чем в два раза. Это довольно широкий диапазон, выбивание из которого означает многократное несоответствие стоимости получаемых и отдаваемых по сети благ.

Увы, и эта гипотеза оказалась несостоятельной. Всего 6 сельских и 3 городских семьи удерживаются в этом, прямо скажем, довольно широком диапазоне (табл. 27). Остальные, т.е. большинство семей, не пытаются соблюсти паритет получаемой и отдаваемой стоимости, легко выходя за границы двойного несоответствия. *Стоимостные оценки совокупных входных и выходных потоков, как правило, не равны.* Другими словами, семьи, выступая для кого-то донором, а для кого-то реципиентом, в целом не выходят на «ничью». Но это, напомню, вывод, сделанный на основе анализа стоимости трансфертов. Изменится ли суждение, если в анализ ввести помощь трудом?

Таблица 27

Индекс интенсивности совокупного обмена семьи

Характер связи с сетевым окружением по <i>стоимости</i> отданных и полученных даров	Индекс интенсивности совокупного обмена семьи	Количество семей	
		Село	Город
Семья отдает <u>меньше</u> , чем получает более чем в 2 раза	$0 < I < 0,5$	5	6
Семья отдает <u>меньше</u> , чем получает, но не более чем в 2 раза	$0,5 < I < 1,0$	3	2
Семья отдает <u>больше</u> , чем получает, но не более чем в 2 раза	$1,0 < I < 2,0$	3	1
Семья отдает <u>больше</u> , чем получает более чем в 2 раза	$2,0 < I$	5	3

Гипотеза “трудовой компенсации”. Предполагается, что трудовые трансферты компенсируют неэквивалентность продуктовых и денежных обменов. Т.е. доноры стоимостных трансфертов обязательно будут реципиентами трансфертов трудовых. И наоборот, семьи, которые продуктами и деньгами получают больше, чем отдают, неизбежно будут «гасить» свои долги, трудясь на благо ближних.

Эта гипотеза вполне сообразна здравому смыслу. Получая продуктовые и денежные подарки и не имея возможности ответить тем же, семьи могут практиковать трудовые десанты. Скажем, родители передают детям часть урожая, а те в ответ помогают копать грядки. Соседка, получившая к празднику подарок, не может отказаться посидеть с ребенком дарителя. Приятель, починивший телевизор и не берущий за это деньги, уносит с собой банку варенья, и т.д. Сплошь и рядом, памятуя о дарах в виде набитых сумок или менее набитых конвертах, мы совершаем трудовые подвиги, как и наоборот, утирая пот со лба, ждем ответных ходов ближних. Но всегда ли это так? Или, наоборот, трудовые трансферты только усугубляют неэквивалентность стоимостных обменов? Возможно, что, получая от родителей набитую продуктами сумку, дети скромно интересуются, когда к ним придут помочь с уборкой, а от починившего телевизор приятеля принимают в дар новую антенну. Как обстоят дела с трудовыми трансфертами?

Для проверки гипотезы мы сопоставили роль семей в продуктовом, денежном и трудовом обменах⁹. Сглаживающее влияние трудовых трансфертов фиксируется в случае, если семья-донор по стоимостным трансфертам выступает реципиентом потоков трудовых. Или, наоборот, реципиент превращается в донора. Усугубление неравенства стоимостного обмена фиксируется в случае, если роли донора и

⁹ Мы не группируем трудовые трансферты по типам решаемых ими задач, хотя и признаем креативность предложенной Е.Шиком классификации взаимного обмена трудом на нерыночной основе (reciprocal exchange of labour on a non-market basis). Он выделял три типа такого обмена: обмен трудом во имя неэкономической цели, например, ради сплочения группы. Во втором случае к взаимному обмену трудом прибегают для повышения эффективности труда. Третий тип порожден нехваткой рабочей силы из-за непредвиденных (например, болезнь) или же ожидаемых трудностей (например, строительство дома) [Sik, 1989].

реципиента в трудовом обмене вторят соответствующим ролям стоимостного взаимодействия.

Здесь необходимо оговорить три момента. Во-первых, вполне допустимо, что семья получает стоимостные трансферты от одних, а оказывать трудовую помощь другим. Отсюда сравнение проходит не по каждому обменному тандему, а по сети в целом. Это вполне логично, учитывая сложную систему отношений и взаимных обязательств участников сети. Во-вторых, предполагается единая ценность условного часа трудовой помощи, что является очень сильным предположением. Ситуация, когда семья помогает родственникам буквально парой часов труда в обмен на их многочасовые усилия, вовсе не обязательно говорит о неравенстве трудовых обменов. Ведь возможны обмены уникальных навыков на простейшие трудовые операции. Данные не содержат ни рыночной стоимости аналогичных услуг, ни их субъективной значимости. Отсюда сравнение проходит исключительно по числу часов без учета их дифференцированной ценности для участников обмена. В-третьих, сглаживающее влияние трудовых трансфертов может быть далеко не адекватным стоимостному дисбалансу. В рамках данной гипотезы этому не придается значение. Для нас важно лишь выяснить, сглаживают или усугубляют трудовые трансферты неэквивалентность стоимостных обменов без учета степени такого влияния. Гипотеза принимается, если в большинстве семей происходит подобное сглаживание.

Но, к сожалению, и эта гипотеза не оправдалась. В половине сельских и подавляющем большинстве городских семей трудовые трансферты не сглаживают, а усугубляют неэквивалентность продуктовых и денежных трансфертов (табл.28). Представления, что трудовой энтузиазм «гасит» продуктовую зависимость, не имеют под собой оснований: *привыклише брать, берут многопланово, а привыклише одаривать, делают это в том числе с помощью труда*. И даже в тех сетях, где наблюдается сглаживающий эффект трудовых трансфертов, на лицо его явная недостаточность (или избыточность) для компенсации стоимостного несоответствия. В большинстве же случаев нет и этого. Реципиенты стоимостных благ остаются реципиентами и в трудовых обменах, а доноры дотируют сетевое окружение не только продуктами и деньгами, но и трудом. Зачастую люди не рефлексируют в связи с этой ситуацией¹⁰.

¹⁰ Из интервью: «Мне стыдно признаться, но я первый раз в разговоре с вами проанализировала и поняла, что мне больше помогают, чем я. Но мои родные и знакомые уверены, что если я смогу, то обязательно им тоже помогу».

Таблица 28

Влияние трудовых трансфертов на неравенство продуктовых и денежных обменов

Влияние трудовых трансфертов на неравенство стоимостных обменов	Количество семей	
	Село	Город
Трудовые трансферты усугубляют неравенство стоимостных трансфертов	8	9
Трудовые трансферты сглаживают неравенство стоимостных трансфертов	8	2
Трудовые трансферты не оказывают влияния на неравенство стоимостных трансфертов	1	1

Гипотеза «сезонных колебаний». В силу того, что жизнь на селе теснее чем в городе связана с природными условиями, предполагается, что обмен дарами в сельских сетях имеет явно выраженную сезонную специфику и имеет подъем в летне-осеннюю пору.

Наши данные полностью соответствуют данной гипотезе. Действительно, обмены дарами на селе многочисленнее летом и осенью, чем весной и зимой. Так, почти каждый третий трансферт на селе приходится на период с июня по август, тогда как в зимнее время (декабрь-февраль) число трансфертов уменьшается в полтора раза (табл.29). Это легко объяснить ростом надоев молока, увеличением яйценоскости кур и обилием продуктов с грядки, что приходится на лето и осень. Заметим, что данные касаются Кубани и Саратовской области, что оправдывает представления о трехмесячной протяженности времен года.

В городе же сезонные колебания обменов менее заметны. Плотность трансфертов едва ли несет на себе печать природных условий. Сети поддерживают выработанный в них ритм взаимодействий без учета климатических факторов. Более того, максимальное число городских трансфертов приходится именно на зимние месяцы, когда сельские сети успокаиваются и относительно замирают. Видимо, причина роста числа трансфертов в это время объясняется обилием праздников (Новый год, Рождество, День защитника отечества). Город именно зимой вступает в пик обменной активности, на селе же одаривание становится более редким ввиду ресурсных ограничений, имеющих сезонную природу.

Таблица 29

Распределение числа трансфертов по временам года (в % по столбцу)

Времена года (месяцы)	Село	Город	Все семьи
Осень (сентябрь-ноябрь 1999 г.)	27,7	25,6	26,7
Зима (декабрь 1999 г. - февраль 2000 г.)	19,0	27,0	23,1
Весна (март -май 2000 г.)	22,5	25,2	23,9
Лето (июнь-август 2000 г.)	30,8	22,2	26,3

Объемные показатели вносят уточнение в понимание сезонной специфики обменных актов (табл.30). Да, действительно, *продуктовые дары и помощь трудом*

имеют явную летне-осеннюю привязку. Но денежные дары этой закономерности не подчинены. Объем денежных даров определяется, скорее, калейдоскопом праздников и личных юбилеев, а также всплесками погашения долга по заработной плате и пенсиям, чем временем года. Трудовая помощь, напротив, привязана к природным условиям. Летом горожане активно строят дачи, гаражи, ремонтируют квартиры, обихаживают садовые участки. Не удивительно, что более половины трудовой помощи горожан (56,6 %) осуществляется с июня по август. Селяне растягивают радость совместных усилий на лето-осень, вмещая в этот период 66,3 % трудовой помощи. Менее явно, но опять же в пользу летне-осеннего сезона варьирует на селе помощь продуктами. В городе продуктовый обмен наиболее активен осенью и зимой.

Таким образом, сезонные колебания межсемейного обмена проявляются, во-первых, в продуктовом и трудовом вариантах, но никак не в денежном. Во-вторых, село (в полном соответствии с гипотезой) активизируется летом и осенью как по плотности обменных актов, так и по их интенсивности. Зимой и весной на селе наступает относительный обменный штиль. Город же по частоте даров не имеет явно выраженных сезонных предпочтений. Что же касается их объема, то трудовая помощь горожан концентрируется в летние месяцы, а продуктовая – в осенне-зимние.

Таблица 30

Распределение объема трансфертов по временам года

Время на года	Село						Город					
	Продукты		Деньги (дар)		Труд		Продукты		Деньги (дар)		Труд	
	Руб.	%	Руб.	%	Часы	%	Руб.	%	Руб.	%	часы	%
Осень	23805	27,5	5240	16,6	1556	32,1	49708	37,8	36945	18,1	1036	12,2
Зима	20485	23,7	13010	41,2	898	18,5	38631	29,3	23617	11,6	1741	20,6
Весна	14997	17,3	5535	17,5	738	15,2	25177	19,1	101535	49,7	897	10,6
Лето	27171	31,5	7797	24,7	1655	34,2	18156	13,8	42286	20,7	4800	56,6
Всего	86458	100	31582	100	4847	100	131672	100	204383	100	8474	100

Гипотеза «продукты – деньги - труд». Предполагается, что сельские сети более тяготеют к продуктовым и трудовым трансфертам, а городские – к денежным. Это проявляется в соотношении как количества даров, так и стоимости продуктовых и денежных трансфертов или продолжительности трудовой помощи.

Гипотеза строится на устоявшемся в последние годы представлении о натурализации хозяйственной жизни селян. Разумно предположить, что дефицит денег сглаживается потоками товаров и трудовой помощью участников сети. Город же стимулирует безвозмездные денежные трансферты. Зачем перевозить из дома в дом

пучок редиски, если ее можно купить? Были бы деньги. И городские сети работают в этом направлении, а сельские за неимением денег транслируют редиску или участие в ее выращивании. Так ли это?

Оказалось, что наша логика верна лишь отчасти. Действительно, стоимость переданных продуктовых и денежных даров существенно различается в сельских и городских сетях (табл.31). Селяне почти три четверти помощи оказывают в продуктовой форме и только четверть - в денежной. Это связано с наличием личного подсобного хозяйства (ЛПХ), обеспечивающего материальную базу таких обменов¹¹. Горожане, наоборот, большую часть поддержки получают в форме денежных дотаций. Продуктовая база обменов у них значительно скромнее в силу, во-первых, отсутствия у многих дач и садовых участков и, во-вторых, скромной роли подсобного хозяйства в обеспечении городского населения продуктами питания. Городские ЛПХ значительно закрывают потребность в картофеле и овощах, но беспомощны в производстве мясных и молочных продуктов¹². Но это, подчеркнем, если рассматривать стоимостной эквивалент помощи.

Соотношение же количества соответствующих трансфертов рисует совсем иную картину. И в городе, и на селе около десятой части сетевых взаимодействий приходится на трудовые трансферты. Примерно та же доля безвозмездных денежных вливаний. Оставшаяся часть взаимодействий (порядка 80 %) проходит в продуктивном режиме. Различия между городом и деревней в этом смысле практически отсутствуют. Более того, на селе деньги дарят даже немного чаще, чем в городе. Дефицитность денежных купюр на селе обуславливает значимость этого жеста. В результате денежные трансферты в сельских и городских сетях сопоставимы по плотности, но не сопоставимы по интенсивности. Село практикует скромные денежные и обильные продуктовые передачи, город – скромные продуктовые и щедрые денежные дары. Совокупная трудовая помощь сельских сетей примерно в полтора раза скромнее трудовой поддержки городских сообществ (4847 и 8474 часов соответственно).

¹¹ О роли ЛПХ в жизни селян говорит тот факт, что в среднем денежные и натуральные доходы от него составляют 48 % совокупного дохода сельских семей [Фадеева, 1999б, с.440], а доля продукции ЛПХ в совокупном сельскохозяйственном производстве составила в 1995 г. 38% [Калабихина, 1997, с.132]. При этом товарность ЛПХ не велика на селе, а в городе – просто символическая. По данным обследования, проведенного в 1998 г. в г.Кемерово, 92 % семей не продавали выращенную продукцию. Зато весомая часть урожая расходуется по сетям социальной поддержки: 58 % городских домохозяйств отдают в среднем около 30 % выращенного урожая друзьям или родственникам [Варшавская, 1999, с.104].

¹² По данным опроса кемеровчан, семьи, имеющие садово-огородный участок, производят 91% потребляемого картофеля, 78 % овощей, но только 4 % мясных и 2 % молочных продуктов [Варшавская, 1999, с.104].

Другими словами, соотношение количества продуктовых, денежных и трудовых трансфертов примерно одинаково в сельских и городских сетях, а вот объемы прокачиваемых в их рамках ресурсов – различны.

Таблица 31

Доля продуктовых, денежных и трудовых трансфертов в сельских и городских сетях
(в % по столбцу)

	Село		Город	
	Доля трансфертов в их общем количестве	Доля трансфертов в их совокупной стоимости	Доля трансфертов в их общем количестве	Доля трансфертов в их совокупной стоимости
Продукты	76,9	73	80,8	38
Деньги (безвозмездно)	12,3	27	8,9	62
Труд	10,8	-	10,3	-
Всего	100	100	100	100

Гипотеза «материально-возрастной детерминации». Предполагается, что возраст супругов и материальное положение семьи определяют ее место в континууме «реципиент-донор». Молодые семьи чаще, чем пожилые оказываются реципиентами, а состоятельные семьи чаще, чем бедные – донорами сетевого общения.

Данная гипотеза восходит к представлению о межсемейных сетях как механизме амортизации материального неравенства. Участники сети находятся в круговороте оказания-получения помощи. Однако одни больше получают, другие больше отдают. Чем различаются эти домохозяйства? Мы предположили, что возрастом супругов и материальным положением семьи. Так ли это?

Для семей разного возраста и материального положения определим среднее значение индексов совокупной плотности и интенсивности сетевого обмена¹³. На основе этих индексов разобьем семьи на группы - радикальный реципиент, умеренный реципиент, умеренный донор, радикальный донор. Радикальный реципиент получает дары более чем в два раза чаще (или больше по стоимости), чем отдает, что соответствует значению соответствующих индексов от 0 до 0,5. Умеренный реципиент получает чаще (или больше), но менее чем в два раза (индексы от 0,5 до 1,0). Нетрудно догадаться, что умеренный донор отдает чаще (или больше), чем получает, но не более чем в два раза (индексы от 1,0 до 2,0). И, наконец, радикальный донор выходит за эту границу (индексы более 2,0). Результаты представлены в табл.32.

Таблица 32

Характеристики семей по плотности и интенсивности обмена

¹³ Расчет этих индексов, а также совокупный баланс сетевых обменов всех исследуемых семей см. [Барсукова, 2003, с.98, 111].

Тип семьи	Бедные семьи		Среднеобеспеченные семьи		Богатые семьи	
	Село	Город	Село	Город	Село	Город
Характеристика семей по плотности обмена						
Пожилые семьи		Умеренный <i>реципиент</i>	Умеренный <i>донор</i>	Умеренный <i>донор</i>		
Семьи среднего возраста		Умеренный <i>реципиент</i>	Умеренный <i>донор</i>	Радикальный <i>донор</i>	Радикальн ый <i>донор</i>	Радикальн ый <i>донор</i>
Молодые семьи	Умеренный <i>реципиент</i>	Радикальный <i>реципиент</i>	Умеренный <i>донор</i>	Радикальный <i>реципиент</i>		
Характеристика семей по интенсивности обмена						
Пожилые семьи		Умеренный <i>реципиент</i>	Умеренный <i>реципиент</i>	Умеренный <i>донор</i>		
Семьи среднего возраста	Умеренный <i>реципиент</i>	Радикальный <i>реципиент</i>	Умеренный <i>донор</i>	Умеренный <i>донор</i>	Радикальн ый <i>донор</i>	Радикальн ый <i>донор</i>
Молодые семьи	Радикальн. <i>Реципиент</i>	Радикальный <i>реципиент</i>	Радикальн ый <i>донор</i>	Радикальный <i>реципиент</i>		

Таким образом, гипотеза не опровергается. Действительно, в средней и старшей возрастной группах как в городе, так и на селе происходит движение от реципиентства к донорству по мере улучшения материального положения семьи (движение по строке). Сеть выступает перераспределительной базой, выравнивающей жизненные возможности участников сети. Семья получает помощь более зажиточных и помогает менее обеспеченным, что приводит к своеобразной усталости состоятельных домохозяйств от сетевых обязательств¹⁴.

В свою очередь, в одной материальной нише усиливается донорство по мере взросления супругов (движение по столбцу). Старшие опекают младших, что особенно заметно в городе. Городские молодые семьи являются радикальными реципиентами независимо от их материального положения. Молодым помогают даже тогда, когда экономическое положение семей диктует противоположную направленность потоков. Зачастую это объясняют тем, что, дескать, у старшего поколения есть «запас прочности», накопленный за жизнь без экономических встрясок. На наш взгляд, это заблуждение. И при отсутствии «запаса прочности» помощь не ослабевает. Она диктуется логикой не экономической, а социальной. Наши данные говорят, что даже при отсутствии собственного урожая поток продуктовой помощи родителей не ослабевает, даже если сырье покупается на рынке. В городе крайне сильны установки на заботу о «молодых», даже если они опрокидывают любые калькулируемые основания¹⁵. Другим ресурсным благом, которым владеет старшее поколение, является свободное время, отдаваемое внукам. Оставленные у дедушек и

¹⁴ Из интервью: «В основном, я оказываю помощь, а не мне. Честно говоря, я устала от этого». «Родственники пользуются нами. Но куда их отпихнешь?». В результате наблюдательный респондент заметил, что «нищета больше сплачивает людей».

бабушек внуки позволяют родителям экономить на путевках в лагеря, на оплате услуг нянечек, а также на продуктах питания, так как вопрос о компенсации затрат в связи с пребыванием внуков, как правило, не ставится. Игра в дочки-матери оказывается не только увлекательной, но и выгодной для детей¹⁶.

На селе отношение к молодым семьям более приближено к экономической логике. Если материальное положение позволяет, то молодые семьи, несмотря на возраст, становятся донорами своего социального круга¹⁷. Молодость на селе менее канонизирована, она не является той священной коровой, которой приносят себя в жертву остальные участники сети.

Гипотезы ролевой дифференциации участников сети

Гипотеза «женского лобби». Суть гипотезы - главным распорядителем семейных ресурсов, как правило, выступает жена, что определяет более интенсивный и плотный обмен с ее родителями, чем с родителями мужа.

Гипотеза не опровергнута. Действительно, родители супругов находятся в существенно разном положении с точки зрения передаваемых им и полученных от них благ (табл.33). И хотя родители жены, в свою очередь, помогают молодым семьям активнее, чем родители мужа, однако эта разница не столь существенна, чтобы объяснить неравенство оказываемой родителям помощи. Имея некоторые основания для дифференциации трансфертов своим родителям и родителям мужа, жены доводят эту разницу до таких размеров, что анекдоты по тещ начинают казаться скромной попыткой мужчин восстановить баланс родительских прав.

На наш взгляд, такое неравное внимание к родителям мужа и жены связано с внутрисемейным распределением контроля за ресурсами семьи. Даже в семьях, где стратегические вопросы решает исключительно муж, продуктовыми запасами, а зачастую и денежными накоплениями ведает жена. На подарки своих родителей жена реагирует бодрее, чем на подарки родителей мужа. В результате родители жены получают более частые и дорогие дары. Физическая сила - единственный ресурс,

¹⁵ Из интервью: *«Просто у меня мама не может этим не заниматься. Она считает, что если у нее 100 банок маринованных помидоров не стоит, то зимой она умрет от голода. И нам все это переправляется».*

¹⁶ В разных интервью рефреном повторялась мысль, выраженная одним из респондентов: *«Мои дети питаются, потому что мы пашем с мужем. Всю свою жизнь положили для детей».*

¹⁷ Наши данные вносят коррективы в суждение, что «иждивенческо-потребительские тенденции во взаимоотношениях детей со своими родителями являются одной из причин глубокой бедности основной массы семей пенсионеров исследованных сел» [Эфендиев, Болотина, 2002, с.98]. Действительно, молодость является основанием для опеки. Однако бедным пожилым семьям сетевое окружение оказывает помощь, а не паразитирует на них. Вероятность донорства растет при улучшении материального положения семьи.

который контролирует муж, а не жена. Этот ресурс используется в ходе трудовой помощи. При этом сельский труд более городского опирается на физическую силу. Как результат, на селе родителям мужа и жены оказывается более равномерная трудовая поддержка. В городе же контроль женщин за трудовым ресурсом возрастает, и диспропорция в помощи родителям увеличивается. Так, в городе родителям мужа помогают трудом меньше, чем родителям жены в 2,5 раза, а на селе только в 1,5 раза. Иными словами, помощь родителям отражает баланс контроля за ресурсами семьи.

Таблица 33

Обмен дарами с родителями мужа и жены

Связи с родителями <i>жены</i>		Село	Город	Связи с родителями <i>мужа</i>		Село	Город
Сколько раз передавались дары		208	91	Сколько раз передавались дары		43	36
Сколько раз принимались дары		227	307	Сколько раз принимались дары		134	134
Стоимость отданных:	Продуктов	7600	3306	Стоимость отданных:	Продуктов	1941	2085
	Денег (в дар)	1625	2350		денег (в дар)	100	1600
Стоимость полученных:	Продуктов	11487	16585	Стоимость полученных:	Продуктов	9037	5148
	Денег (в дар)	8040	13685		денег (в дар)	6612	17385
Трудовая помощь родителям жены, час.		374	116	Трудовая помощь родителям мужа, час.		228	48
Трудовая помощь от родителей жены, час.		1747	6042	Трудовая помощь от родителей мужа, час.		68	1268

Гипотеза “бабушкиной заботы”. Подарки бабушек внукам не компенсируются ответными дарами, что изначально считается допустимым и нормальным.

Правда ли, что с внуками игра идет в одни ворота и сколь часто и щедро не раскошеляются старики, они редко и мало получают в ответ? Наши данные не опровергают эту гипотезу. Действительно, внуки не имеют обыкновения возвращать старикам ответные блага. Иногда за них это делают родители. Но это не вызывает протеста стариков, так как те изначально предполагают несимметричность отношений. Смысл такой помощи – подтверждение в собственных глазах и глазах окружающих своей нужности, полезности.

В нашей выборке только 4 сельские и 3 городские семьи обмениваются с внуками. Это связано с квотами по возрасту супругов. Количество семей не достаточно, чтобы делать окончательные выводы, однако данные весьма красноречивы (табл.34). Никакие другие родственники или представители дружеского круга не имеют такой степени дарственной неадекватности, как внуки. В отдельно взятой семье может быть все, что угодно: на полном иждивении может находиться сват, брат, кума или приятель. Однако один и тот же родственник персонаж в разных семьях выступает то в роли донора, то в роли реципиента. И лишь внуки в этом

калейдоскопе родственных статусов отличаются завидной устойчивостью реципиента, не отдавая долги ни в трудовой форме, ни в эмоциональной. Внуки – хронические реципиенты.

Таблица 34

Отношения обмена с внуками

Параметры обмена	Село	Город
Сколько раз передавались дары внукам	37	56
Сколько раз принимались дары от внуков	1	4
Разница стоимости переданных внукам и полученных от них даров, руб.	2362	10720

Помимо непосредственных подарков внукам существует помощь *по поводу внуков*. Обычно это проявляется в повышенных дотациях трудом и продуктами питания¹⁸. Не случайно в сетях, где есть внуки, выше степень донорства старшего поколения¹⁹. Появление внуков обрекает стариков на радикальное донорство. Но делают они это добровольно и с чувством глубокого удовлетворения.

Гипотеза «сетевого дарения и кредитования». Сеть выступает источником безвозмездных дотаций и заемных кредитов. В рамках гипотезы предполагается, что родственникам деньги преимущественно дарят (дарованные суммы тем больше, чем ближе родственная дистанция), а неродственникам (соседям, коллегам, друзьям) одалживают.

Речь в данной гипотезе идет о культурных кодах, лимитирующих практику кредитования. Одалживаются не только и не столько у тех, кто финансово состоятелен - отношения займа регулируются нормами, учитывающими близость родственных уз. И безвозмездные, и заемные денежные трансферты зависят не только от нужды одних и состоятельности других. Законы сети ограничивают просьбы заемщиков и формируют поле возможных ответов кредиторов. Аналогично ожидание безвозмездной помощи и ее реализация не являются простым следствием материальной дифференциации участников сети. Так как же распределены роли в кредитных историях наших семей? Каковы отношения по поводу безвозмездных денежных траншей?

Ответы на эти вопросы приведены в табл.35. Возвратные кредиты в отношениях родителей и детей не приняты ввиду негласной нормы помогать безвозмездно, - долговые обязательства рассматриваются как компрометация кровных

¹⁸ По словам одного респондента, помощь родителей состояла в том, что они «сына вытасали».

¹⁹ К выводу о повышенном бремени старшего поколения пришел и В.Радаев: «согласно простой схеме межпоколенного обмена, наиболее состоятельная средневозрастная страта должна поддерживать своих более молодых и старых родственников. Эта простая схема не работает в России. ...пенсионеры предпочитают становиться донорами и оказывать денежную поддержку своим детям и внукам» (Radaev, 2001, p.359).

уз. Даже если деньги и занимают, то очень часто долги «списываются», возможность чего изначально предполагается²⁰. Не исключен и возврат долга в неденежной форме – продуктами или трудом. В отношениях с близкими родственниками морально допустимо давать деньги в долг только при условии крупной суммы. Размер кредита оправдывает нарушение канона родственной безвозмездной помощи²¹. Поскольку деньгами можно распорядиться по-разному, то дарение денег является более гибкой формой контроля за экономикой одариваемого, чем продуктовые и трудовые трансферты. Не случайно, чем более признается самостоятельность одариваемого (например, с взрослением детей), тем чаще дары переходят из вещной в денежную форму.

По мере увеличения родственной дистанции долговые обязательства получают простор для развития и достигают пика в отношениях с неродственниками. Так, 80 % долговых сумм на селе и 94 % в городе использовали каналы неродственных отношений. Здесь уже и малые суммы можно не дарить, а кредитовать²². Родственники даже «второго эшелона», объединенные в категорию «прочие родственники», значительно уступают соседям и друзьям в плотности и интенсивности кредитных историй. При этом с соседями практикуют частое кредитование малых сумм, а с друзьями и коллегами кредитные отношения возникают реже, но весомее. Конечно, речь идет о повседневности, не нагруженной событиями типа свадеб, похорон и пр. В этих случаях деньги вполне могут занимать и у родственников, что оправдывается нетривиальностью события. К тому же средства привлекаются на некую общую для родственников задачу. Автономные же события семьи обслуживаются внеродственным кредитованием.

Безвозмездные денежные ссуды, наоборот, основаны на родственных связях²³. Именно родственники обеспечили 96 % денежной помощи селянам и 97 % горожанам. Участие соседей и коллег в таких отношениях минимально. И не потому, что у них

²⁰ Из интервью: «списали большие долги брату - сделали ему свадебный подарок». «Родители с пенсии накопили некоторую сумму и нам ее просто отдали. Сказали: будет возможность - отдадите, не будет возможности - пусть это вам остается». «Родная сестра очень помогает с деньгами. На операцию деньги дала, на обучение сына».

²¹ На вопрос о том, в долг или безвозмездно даются деньги, был ответ: «Смотря какая сумма. До 50 рублей я могу просто дать, если человек нуждается. До тысячи рублей мы давали родителям. А уж больше тысячи мы давали в долг. Даже родителям».

²² Этот вывод корреспондирует с данными, приводимыми Лыловой О.: у родителей занимают деньги в 4 раза реже, чем у соседей, зато у родителей и других родственников берут крупные суммы, а у соседей занимают на каждодневные нужды [Лылова, 2002, с.85].

²³ Из интервью: «С родителей мы долги не берем. В семье и не надо, чтоб возвращали. А друзья? Вот так, чтобы отдала деньги и не ждала? Безвозмездно? Нет. Я считаю, что если здоровый нормальный человек, то почему я должна благотворительность проявлять?»

каждая копейка на счету. Они могут помочь трудом, поделиться продуктами, подарить вещи и пр. *Но дарить деньги чужим людям не принято.* Это подкрепляется и обыденными наблюдениями. Поделившийся урожаем сосед совершенно нормален, а сосед, предлагающий поделиться вырученными от продажи урожая деньгами, по меньшей мере, странен²⁴.

Таблица 35

Распределение безвозмездных дотаций и заемных кредитов

Денежные отношения	Субъекты взаимодействия	Село		Город	
		Доля стоимости денежных трансфертов	Количество денежных трансфертов	Доля стоимости денежных трансфертов	Количество денежных трансфертов
ДЕНЬГИ В ДОЛГ	Родители	6	4	-	-
	Дети и внуки	-	-	-	-
	Прочие родственники	14	16	6	3
	Соседи	30	32	7	17
	Коллеги и друзья	50	11	87	24
	<i>Итого</i>	100	63	100	44
ДЕНЬГИ В ДАР	Родители	44	72	16	90
	Дети и внуки	34	50	74	29
	Прочие родственники	18	43	7	26
	Соседи	2	6	1	2
	Коллеги и друзья	2	7	2	11
	<i>Итого</i>	100	178	100	158

Гипотеза «силы родственных связей». Предполагается, что чем ближе степень родства, тем чаще обмен дарами и тем весомее их величина. Соответственно наиболее плотный и интенсивный обмен происходит между родителями и детьми; обмен с остальными родственниками менее активен. Минимальная плотность и интенсивность – в обменах с людьми, не являющимися родственниками.

При всех разговорах о разрушении родственных уз под воздействием эмансипации, урбанизации, глобализации и прочих казусах современности что-то мешает поверить в их безоговорочность. Кому несут продукты, делятся деньгами, помогают трудом? С кем вступают в кооперацию по выживанию и развитию домашней экономики? С единомышленниками по мировоззренческим вопросам или с родственниками, не имеющим зачастую никакого интеллектуального сходства, кроме хитросплетения родственных судеб?

²⁴ Из интервью: «У меня подруга очень скромно живет. Она у меня и десятки не возьмет. Я ей стараюсь иногда что-то купить в день рождения, что и себе не позволю. Я ей туфли стараюсь подарить или что-то такое. Или, например, палку колбасы вместо цветов».

Наши данные говорят исключительно в пользу родственников (табл.36). На них приходится порядка 90 % продуктовых, денежных и трудовых трансфертов²⁵, и только около 10 % достается соседям и дружескому кругу. При этом, как и предполагалось, самый интенсивный обмен с родственниками «первого эшелона» – с родителями и детьми. Сестры и братья активно помогают друг другу, но в значительно меньших масштабах, чем родители детям. А уж тети, племянники, двоюродные братья и другие члены семьи, объединенные в категорию «прочие родственники», помогают еще меньше, уступая в трудовых трансфертах друзьям и знакомым²⁶. Продуктовые и денежные трансферты с соседями менее распространены, чем с друзьями и коллегами. Правда, на селе по-прежнему распространена трудовая помощь соседей, в городе же коррозия института соседства более заметна²⁷. Фактически, участие соседей в городских сетях почти символическое.

Таким образом, при всех разговорах о конфликте отцов и детей, именно между ними курсируют продуктовые передачи, денежные дары и трудовая помощь. Те же, с кем разговоры по душам греют сознанием интеллектуального родства, не торопятся делиться насущным. Друзья и коллеги оказывают скорее информационную и эмоциональную поддержку, чем материальную помощь²⁸. Соседи едва ли претендуют на активную роль в сетевых обменах, что более заметно в городе, но проявляется и на селе. Так что грибоедовское «ну как не порадеть родному человечку» теряет в сетевом измерении саркастический оттенок и превращается в нормальную прозу человеческих отношений.

Таблица 36

Стоимость отданных и полученных продуктов, денежных даров,
а также продолжительность трудовой помощи во взаимодействии
с различными контрагентами

²⁵ Большая семья рассматривается многими респондентами как своего рода дополнительный ресурс выживания, в том числе и эмоциональной стабильности. *«У меня много родственников. Нас у мамы было девять. Живем дружно, хорошо, помогаем друг другу. У мужа только мама и сестра. Больше никого нет. Поэтому он так сильно хотел детей, чтоб побольше, чтоб была действительно семья, а не так: один, два и все».*

²⁶ Сетевая поддержка в России более «прородственная», чем, например, в Канаде, где друзья и родственники помогают меньше, чем родители (или взрослые дети), но «обеспечивают поддержку в той же степени, что братья (сестры) и гораздо больше дальних родственников» [Уэлман, 2000, с.85].

²⁷ В интервью отражены многочисленные ссоры между соседями, - от комичных до трагичных. Одна семья боролась с соседкой за право поставить холодильник рядом с разделявшей их стеной, что, по мнению соседки, влияло на ее здоровье. Другая соседка любила дворовых собак с такой силой, что респондент не дождался вызванного на дом врача, так как его не пустили собаки. Ссоры с родственниками и друзьями упоминаются значительно реже и проходят более сдержанно.

²⁸ Из интервью: *«Мы же не ходим к психологам, мы бутылку водки ставим, садимся друг напротив друга, выпиваем по рюмке и начинаем... Я в этот момент играю роль психотерапевта или, наоборот, моя подруга, и мы нервную систему умудряемся сохранить в этой ужасной жизни».* Потребность в эмоциональных трансфертах один из респондентов определил как «*нужда видется*».

Субъекты сетевых взаимодействий	Село				Город			
	Продуктовые и денежные дары		Помощь трудом		Продуктовые и денежные дары		Помощь трудом	
	Руб.	%	Часы	%	Руб.	%	Часы	%
Родители	38050	35,3	2417	49,9	62120	18,5	7474	88,2
Дети, внуки	31014	28,7	1895	39,1	178237	53,0	221	2,6
Сестра, брат	19261	17,9	255	5,3	14370	4,3	39	0,5
Прочие родственники	8255	7,7	44	0,9	46251	13,8	114	1,3
Соседи	3340	3,1	151	3,1	3728	1,1	53	0,6
Знакомые, коллеги, друзья	7960	7,3	85	1,7	31379	9,3	573	6,8
Всего	107880	100	4847	100	336085	100	8474	100

Сформулируем выводы проведенного анализа.

- Все без исключения семьи погружены в сетевой обмен ресурсами разного рода. Количественный анализ учитывает лишь продуктовые, трудовые и денежные трансферты (с разбивкой последних на безвозмездные и долговые). За кадром остаются эмоциональная поддержка и информационное сопровождение домохозяйств ввиду сложности их измерения. Это существенно снижает объяснительные возможности количественного анализа, так как не учитываемые им трансферты способны существенно менять представления домохозяйств о степени эквивалентности обменных отношений. Однако, пусть и не исчерпывающе, но калькулируемые показатели сетевой активности улавливают важные закономерности жизни сети.
- Наиболее полной формой фиксации сетевых трансфертов являются ежедневные записи прихода и расхода ресурсов по каналам сети с указанием направления трансферта, его ресурсной природы, объема в натуральных и стоимостных показателях. Оптимальное время сбора эмпирических данных – год, что позволяет фиксировать сезонные колебания сетевой активности. Результаты количественного анализа получают дополнительное обоснование или, наоборот, повод для скептицизма при сравнении с качественными данными в виде углубленных интервью. Подобная триангуляция повышает обоснованность выводов.
- И сельские, и городские сети «прокачивают» по своим каналам столь значительные объемы ресурсов, что трудно назвать сети дополнительным, декоративным элементом социальной жизни. Сети являются одним из основных механизмов поддержания домохозяйств «на плаву», выполняя мощную перераспределительную функцию среди семей разного достатка, разного возраста и стиля жизни.
- Сеть как материализация институтов родства, приятельства, соседства и пр., позволяет выявить культурные коды их функционирования. Взаимодействие в сети

строится не только и не столько в соответствии с материальным статусом контрагента, сколько с вмененным ему правилом пребывания в сети. Так, родители заботятся о молодых семьях, даже будучи относительно бедными на их фоне. Родители жены находятся в более привилегированном положении, чем родители мужа также вне сравнения их материального положения. Бабушки и дедушки, заботясь о внуках, не получают эквивалентного вознаграждения, но подтверждают свою социальную значимость.

- Отношения с родственниками продолжают доминировать в пространстве сетей, несмотря на все разговоры об ослаблении родственных связей современного человека, его погруженности в круг приятелей, коллег и соседей. Плотность и интенсивность обмена с родственниками выше, чем с неродственниками. Единственное исключение – долговые денежные обязательства, которые более распространены в неродственной среде в силу отсутствия моральных обязательств безвозмездной помощи. Долги среди родственников предполагают более крупные суммы, оправдывая своей величиной отклонение от традиции безвозмездного дарования.
- Специфика сетевого взаимодействия прослеживается в разрезе города и деревни. Это проявляется в амплитуде сезонных колебаний, в соотношении продуктовых, трудовых и денежных трансфертов, в большей коррозии института соседства в городе. Вне этих вопросов городские и сельские сети ведут себя схожим образом, подтверждая наличие единой логики сетевой взаимопомощи.
- Ни нищета, ни богатство не приводят к выходу из сетевого мира. Однако материальный статус домохозяйства играет решающую роль в соотношении принимаемых и отдаваемых благ. Богатые семьи, обреченные на донорство, испытывают повышенную нагрузку и порожденную ею усталость от сетевого членства. Это может вызвать сознательное дистанцирование от сети, избирательное участие в ней, сокращение круга контрагентов.
- Участники сети далеки от точного соблюдения количества принимаемых и отдаваемых даров, а также их стоимостного соответствия. Количественные методы анализа фиксируют явную неэквивалентность сетевого обмена. Но сети не распадаются, они устойчивы и, как правило, бесконфликтны, что еще раз доказывает наличие вностоймостной или, как минимум, не только стоимостной логики их функционирования. Участники сети, во-первых, «гасят» стоимостные несоответствия эмоциональной поддержкой и информационным сопровождением,

во-вторых, довольно субъективно оценивают полезность получаемой и оказываемой помощи, погружая эти оценки в сложную структуру межличностных отношений, в-третьих, интерпретируют поведение участников сети не с точки зрения эквивалентности обмена, а с позиции их соответствия культурным кодам микросреды.

- Сетевые взаимодействия не являются инструментом максимизации прибыли их участников. Скорее, это механизм выравнивания жизненных возможностей участников сети, система разноплановой и оперативной взаимопомощи. Совокупная сопротивляемость внешней среде повышается, даже если в сеть объединились бедные домохозяйства. Это достигается за счет более гибкого использования совокупных ресурсов и возможности их поочередного использования на благо входящих в сеть домохозяйств.

Литература

1. Барсукова С. Сетевая взаимопомощь российских домохозяйств: теория и практика экономики дара // Мир России. 2003. № 2.
2. Бедность в России: Государственная политика и реакция населения / Всемирный банк реконструкции и развития / Под ред. Д.Клугмана. Вашингтон, 1998.
3. Варшавская Е. Социальный феномен сибирской «фазенды» // ЭКО. 1999 № 12.
4. Виноградский В. “Орудия слабых”: неформальная экономика крестьянских домохозяйств // Социологический журнал. 1999. № ¾.
5. Градосельская Г. Социальные сети: обмен частными трансфертами // Социологический журнал. 1999. № ½.
6. Калабихина И.Е. Факторы домохозяйства и занятость женщин // Экономика домашних хозяйств / Отв.ред. В.М.Жеребин. М.: Институт социально-экономических проблем РАН, 1997.
7. Лылова О.В. Неформальная взаимопомощь в сельском сообществе // Социологические исследования. 2002. № 2.
8. Уэллман Б. Место родственников в системе личных связей // Социологические исследования. 2000. № 6.
9. Фадеева О. Межсемейная сеть: механизмы взаимоподдержки в российском селе // Неформальная экономика: Россия и мир / Ред. Т.Шанин. М.: Логос, 1999а.
10. Фадеева О. Хозяйственные стратегии сельских семей // Социальная траектория реформируемой России: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы / Отв.ред. Т.И.Заславская, З.И.Калугина. Новосибирск: Наука. Сиб.предприятие РАН, 1999б.
11. Штейнберг И. Русское чудо: локальные и семейные сети взаимоподдержки и их трансформация // Неформальная экономика: Россия и мир / Ред. Т.Шанин. М.: Логос, 1999.
12. Штейнберг И.Е. Реальная практика стратегий выживания сельской семьи – «сетевые ресурсы» // Куда идет Россия?.. Формальные институты и реальные практики / Под общ.ред. Т.И.Заславской. М.: МВШСЭН, 2002.
13. Эфендиев А.Г., Болотина И.А. Современное российское село: на переломе эпох и реформ. Опыт институционального анализа // Мир России. 2002. № 4.

14. *Malinowski B.* Argonauts of the Western Pacific: An Account of Native Enterprise and Adventure in the Archipelagos of Melanesian New Guinea. London: Routledge and Kegan Paul, 1922.
15. *Pahl J.* The allocation of money and the structuring of inequality within marriage // Sociological Review. 1983. No 31.
16. *Radaev V.* Urban Households in the Informal Economy //Explaining Post-Soviet Patchworks. Edited by *K.Segbers*. Vol. 2. Aldershot: Ashgate, 2001.
17. *Sic E.* Reciprocal Exchange of Labour in Hungary // On Work: Historical, Comparative And Theoretical Approaches. Edited by *R.E.Pahl*. Oxford: Basil Blackwell, 1989.
18. Turner J.H. The structure of sociological theory. 5-th edition. Belmont, 1991.